

Д.В. Бутеев,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук ОГОБУ ВПО
«Смоленский государственный институт искусств»*

Образ Василия Тёркина в современной смоленской литературе и городском фольклоре

Советский народ, «не шутя» подружившийся с Василием Тёркиным «в тяжкий час земли родной», во многом благодаря этому воплотившему в себе лучшие черты русского солдата персонажу сумел с достоинством пройти сквозь испытания Великой Отечественной войны. И в наши дни, когда вновь наступили непростые для страны времена, смоленский поэт Е.В. Гордеев, стремящийся в своём творчестве силой поэтического слова воззвать к совести тех, кто привёл страну и нацию к упадку, оживляет Василия Тёркина в своей небольшой поэме «Тёркин возвращается».

Василий Тёркин – это непререкаемый нравственный авторитет, необходимый автору для вынесения оценки происходящему в стране. Сойдя с пьедестала, Тёркин зашагал «по Большой Советской» и, встретив поэта, вступил с ним в диалог.

Тёркин, не повысив голос,
Так ответил на вопрос:
«Я уже – не просто образ,
Я теперь ещё – и спрос...

Я спросить хочу у них,
У правителей твоих:
Всё ли в государстве ладно?
Ведь мы шли на подвиг ратный,
Не для красного словца, –
Бить фашистов до конца!
Ради жён своих, детей
Били нечисть всех мастей,
Ради отческой земли
В землю многие легли...»

Поэту приходится сознаться в том, что то, ради чего советский народ претерпел ужасы Великой Отечественной войны, во многом оказалось утраченным:

«Мы отнюдь не процветаем,
Что ни день, – то катаклизм...
Лишь на Кубе, да в Китае
Есть ещё социализм...
А в Эстонии Героя,
Как преступника, – под суд,
Монументы с поля боя
Где снесли, а где снесут...
И огонь уж Вечный гасят
Дорог, мол, мемориал!
А Бандеру, приукрасив,
Возвели на пьедестал...»

Возмущённый Тёркин, не понимая того, как могли сыны и внуки погибших на войне допустить всё происходящее, почему они не сумели «защитить от подлецов память дедов и отцов», «рвёт с плеча свою гармошку».

Расплескал меха по ветру...
Что за чудная игра!
– Эй, ребята, с того света
Вам на этот свет пора!

Ожившие солдаты отправляются по стране, чтобы высказать несогласие с многим из того, что творится в государстве.

Без оружия, без крови,
Без обиды и без драк,
Наведём порядок в доме,
прекратим этот бардак!

Поэт просыпается, поэма завершается, читатель, взглянув на сегодняшнюю жизнь глазами Тёркина, безусловно, о многом задумывается. В наше непростое лишённое идеологических ориентиров время, созданный А.Т. Твардовским образ русского солдата-весельчака, выходя из художественного пространства поэмы, и уверенной поступью шагая по страницам современного литературного произведения, помогает нам правильно оценить себя и современные политические процессы.

Е.В. Гордеев, преобразуя в духе современных литературных течений (постмодернизма), классические образы и мотивы, обращается и к другим произведениям А.Т. Твардовского. Критическими стрелами, направленными в самые высшие эшелоны власти, наполнено, например, его стихотворение «Путин и печник».

Столь же животворящ образ Василия Тёркина и для смоленского городского фольклора, одним из жанров которого является неофициальная топонимика. Мало кто из горожан сможет назвать официальное название сквера, в котором находится памятник А.Т. Твардовскому и его литературному герою Василию Теркину. Этот сквер, разбитый по инициативе Н.И. Рыленкова был назван в честь А.Н. Энгельгардта. Следует отметить, что находящийся рядом **Дом Энгельгардта** принадлежал А.П. Энгельгардту, а памятная доска на соседнем **Военторге** посвящена П.И. Энгельгардту. Сквер же получил имя никакого к нему отношения не имеющего, но наиболее чтимого из Энгельгардтов в советскую эпоху А.Н. Энгельгардта, автора цитируемых В.И. Лениным и К. Марксом писем «Из деревни».

В народе же до недавнего времени сквер именовали **Биржей**. Согласно мнению А.Г. Митрофанова, который не является смолянином, топоним Биржа возник ещё в начале XX в.: «Возможно, что раньше здесь можно было нанять извозчика»*. Рядом располагались Молоховские ворота – один из основных выездов из города, где наличие биржи извозчиков не противоречит здравому смыслу. В 1990-е гг. извозчиков «сменили» таксисты. Если ночью кому-то была нужна была водка или прочие радости, надо было идти к таксистам на **Биржу**... Мнение Митрофанова оспаривают некоторые смоленские краеведы: «В начале 20 века там никакого сквера не было, крепостная стена стояла и дома, а, следовательно, никакой биржи извозчиков там быть не могло, это вымысел». По другим предположениям, топоним возник во время оккупации города фашистами. Здесь находилась Биржа труда, созданная при городской управе, которая в принудительном порядке привлекала смолян к различным видам работ (рытье окопов, ремонт дорог, разбор завалов и т.п.). В 1970–1980-е гг. происходит метаморфоза в духе Овидия и здесь, вблизи от гостиницы «Смоленск» и респектабельного ресторана «Днепр», уже не уклонялись от трудовой повинности, а напротив, искали возможность подработки женщины лёгкого поведения. Угроза же наказания оставалась.

С появлением в сквере памятника в 1995 г. (скульптор А.Г. Сергеев) среди собирающейся в скверике молодёжи получили распространение топонимы **Тёрка**, **Тёра**,

Тёрыч, У Тёркина. Они произошли от фамилии одного из персонажей памятника и указывают на доминирующее положение персонажа по отношению к его создателю в сознании смолян. Именно герой поэмы, а не ее автор актуализируется в народном сознании при более кратком и удобном для разговорной ситуации назывании памятника: «Встретимся у **Тёркина**». Возможно, помимо психологических причин, здесь повлияло и удобство произношения.

В последние десятилетия в молодежном сленге появилось и стало популярным слово «тёрка» в значении разговора, имеющего целью решить какую-либо проблему («перетрём это дело», «опять тёрки начались»). Выбирая фамилию своему герою-балагуру, Александр Трифонович и не подозревал, что спустя годы она приобретёт ещё и такую семантическую мотивацию. Топоним **У Тёркина** в отличие от трёх других нейтрален и употребляется не только молодежью.

Расположенный в сквере памятник называют также **Третьим будешь?** Обычно, ограничиваясь выполнением профанационной функции, топоним **Третьим будешь?** употребляется по отношению к парным скульптурным композициям и в других городах нашей страны. В Смоленске же он попадает «в яблочко»: вряд ли душевная беседа автора и героя в случае их реальной встречи могла протекать «на сухую» – вспомним главу «Переправа» («Доктор, доктор, а нельзя ли изнутри прогреться мне») и биографию видевшего в алкоголе средство лечения душевных травм Александра Трифоновича. Неофициальный топоним к тому же, низводя с пьедестала менее всего желавшего на нём оказаться поэта и «не гордого по характеру» русского труженика-солдата, препятствует их «забронзовению».

Говоря о неофициальных топонимах нашего города, как малом фольклорном жанре, следует отметить, что они не раз попадали в поле зрения А.Т. В стихотворении «В Смоленске» упоминается **Чёртов ров**: «Дымок из форточки подвала / Тропа к колодцу в **Чёртов ров...**». В 1943 г. поэт поселился над самым оврагом (в Запольном переулке, д. 4, кв. 26), впоследствии в этой квартире жили его родители и родные.

В 1946 г. А.Т. Твардовский посвятил проникновенные строки часам, с конца XIX века украшающим дом с часами: «Часы! Знаменитые смоленские Часы на углу Советской и Пушкинской – главном перекрёстке города – пункт, по которому определялись все направления и расстояния в городе: “от Часов”, “пройдя Часы”, “не доходя до Часов”. От них осталась одна заржавевшая металлическая оправа с заколоченным циферблатом»**.

Остановилось время в почти до основания разрушенном городе, но нашёл в себе силы наш народ заново запустить ход часов во всех смыслах. Восставал из пепла, подобно своему геральдическому атрибуту, Смоленск, и сдвинулись с мёртвой точки стрелки другого его символа – часов, отремонтированных уже к 6 февраля 1945 г. усилиями часовых дел мастера М.И. Кириенкова.

Любопытное образное обоснование топонима **Танцовая роща** приводит супруга А.Т. Твардовского Мария Илларионовна в воспоминаниях о муже: «А по левую руку, если пройти ещё с версту тропой, прикрытой незавидным ольшаником, таился дивный уголок нашей смоленской природы – **Танцовая роща...**

Могучие стволы сосен, взбираясь по холму, ровно клонились; их вершины, где сближенные, где отдалённые, выделялись издали среди более светлых лиственных пород. Вот этот сосновый разнобой в прямизне иных стволов мог дать имя роще и местности вокруг неё***. На самом деле название Танцовая роща произошло от фамилии её дореволюционных владельцев.

И в завершение отметим, что официальное название ул. Твардовского не получило в неофициальной топонимике нашего города искажённого варианта. Можно проследить определённую тенденцию: более активно трансформации подвергаются официальные наименования улиц, названные именами людей, с которыми у смолян нет «родства». Какое отношение к Смоленску имеют Фурманов, Свердлов, Дзержинский? Вот и появились Фурмановка, Свердловка, Дзержинка. А вот проспект Гагарина, улицы Беляева,

Рыленкова и даже такие «длинные», как Твардовского, Исаковского или двухсловные Петра Алексея, Академика Петрова произносятся без искажений. Есть на что обратить внимание городской топонимической комиссии: возникновение «уличного» прозвища часто является выражением народного несогласия с официальным наименованием.

* *Митрофанов А.Г.* Городские прогулки. Смоленск. М., 2009. С. 218.

** *Дёмочкина М.* Смоленск глазами туристов, или Собрание заблуждений // Рабочий путь, 2010, 24 сентября.

*** Земля Смоленская родная. Хрестоматия художественных материалов по географии Смоленщины. Смоленск, 1997. С. 86.